Н. ШПАНОВ

Рисунки Г. ХРАПАКА

Проблеме мира, мирного сосуществования — этому вопросу вопросов современности посвящен новый роман Н. Шпанова «Ураган», главы из которого с некоторыми сокращениями печатаются ниже.

Фантастика и реальность тесно переплетаются в произведении Н. Шпанова. Самолеты, достигающие высоты 100 км, катализатор КЧК, обезвреживающий атомные и водородные бомбы, — это пока что из области фантастики. Но борьба советских летчиков с воздушными шпионами напоминает о последних событиях международной жизни, о бесславных провокациях поджигателей войны.

ТАЛИСМАН

— Мертвая петля, мой мальчик?

— Силь ву плэ!

— Итак: раз, два... три!

Андрей видит, как два истребителя входят в петлю. Отчетливо видит в одном из «Яков» себя. И не только видит — он чувствует, воспринимает все ощущения и мысли этого второго Андрея; ясно осязает его ладонью ручку управления.

Андрей видит второго себя, но не видит Анри, летящего на другом «Яке». Только отчетливо слышит в шлемофоне его веселое:

— Еще разок, старина!

— Давай, давай!

— Раз, два... три!

Напряженные до визга голоса моторов — и вторая петля.

Снова голос Анри. Француз предлагает сделать вираж — машина над машиной. «Як» Анри лезет в небо, встает торчком и почти упирается левой консолью в правую плоскость самолета Андрея. Андрею сдается, что он чувствует вибрацию не только своей машины, но и самолета Анри. Ему кажется, что лента — это живой нерв, связывающий оба самолета в один.

Отвратительно жмет ларингофон — невозможно дышать. Туман, вязкий как кисель, обволакивает сознание. Движения затруднены. Тугими становятся ручка, педали. Не Андрей управляет «яком», а самолет несет его. Но ведь они — Андрей и Анри — связаны. Оборвать ленту? Позор!

...Как давит ларингофон!

Андрей слышит свой хрип: ларингофон душит его. Скорее распустить ремешок...

Андрей проснулся, и его первым движением было расстегнуть воротничок: что за глупость — ложиться с застегнутым воротом!

Не хочется открывать глаза, и сон переходит в воспоминание. 1944 год. Эскадрилья «Лотарингия». Он, Андрей Черных, советский летчик, — офицер для связи. Праздник по случаю очередной победы...

В голове у Андрея весело шумело, когда вошли гости. Первым из них представили майора Денниса Барнса — командира «челночного» «боинга» *. Невысокий сухой человек с некрасивым, но чем-то располагающим к себе усталым лицом. Барнс держался очень скромно и скоро отошел в сторонку, словно желая спрятаться за спины своих спутников.

Коренастый седеющий блондин представился сам:

— Эдуард Грили.

Англичанин, в мирное время летчик-спортсмен, прилетел вторым пилотом на «боинге».

С ними Леслав Галич — бывший летчик, теперь журналист. У этого на рукаве сине-серого кителя нашивка «Польша».

— Не теряйте времени, господа, — шутливо пригласил он всех и наполнил стакан командира эскадрильи Анри, — завтра я уже не буду вашим барменом — тороплюсь: нужно поспешить в Варшаву, прежде чем эти скоты гитле-

* Бомбардировщики «боинг» — «летающая крепость» — совершали так называемые «челночные» полеты. Самолеты вылетали со своих баз (на Западе), бомбили гитлеровские объекты, потом садились на советских аэродромах, заправлялись и затем летели в обратном направлении.

ровцы задушат восстание. Я должен видеть ее. — И с неожиданной задумчивостью Галич повторил: — Видеть Варшаву...

Улыбаясь, Эдуард Грили заметил:

— Галич никак не может решить: следует ли называть родной город Варшау, как его называют оккупанты, или можно уже звать Варшавой.

— Он что же, не уверен в финале? — задиристо спросил Андрей.

— Что называть финалом?

— Когда поднимается такой ветер, его не остановить.

— О-о! — Грили глянул на Андрея. — Я вам завидую. Мне не всё так ясно.

На поддержку Андрею пришел Анри:

— Мой друг Андре прав.

— И, значит, все мельницы станут вертеться в другую сторону? — с иронией заметил Грили.

— Те, на которые дуем мы, во всяком случае! — сказал Анри.

— Вы так же думаете, Лесс? — спросил Грили.

— Что касается моей, то никакой черт не заставит ее вертеться против моей воли. — Галич сверкнул белыми зубами: — Только туда, куда хочу я! Выпьем?!

Выпили. Если бы не вино, быть может, и Анри — всегда выдержанный и строгий майор Ренэ Анри — в ответ на просьбу Галича удивить читателей его газеты не сказал бы Андрею:

— Покажем гостям что-нибудь такое... Советско-французская дружба?! Есть идея: связываем два самолета — и немножко пилотажа. Именно сейчас, здесь. А если прилетят «мессершмитты» — деремся вместе. А?

— Согласен.

— Нам нужна такая, — сказал Анри и показал на ленту, вплетенную в волосы официантки, — только подлинней.

Добавили еще одну. Связали.

— Коротковато, а? — забеспокоился Анри.

— Сойдет! — сказал Андрей.

И вот — петля, «силь ву плэ», посадка.

Вот тут-то Лесс и придумал «талисман дружбы».

— Вы двое стоите того, чтобы разломить талисман. Когда-нибудь, когда вы уже забудете обо всем, что тут было, узнаете друг друга по этим кусочкам. Приставите их один к другому, обниметесь...

— А почему только они двое? — спросил Барнс. — Уж загадывать встречу, так всем вместе.

— В шесть часов вечера после войны?! — крикнул Андрей.

— После этой, последней войны, — поправил Грили.

— Ну, насчет последней... — усмехнулся Барнс.

— Непременно последней! — настаивал Грили. — Люди придумают сыворотку, убивающую в мозгу клетку войны, и просто перестанут понимать, что такое война...

— Уж я-то знаю фашистов, — авторитетно заявил

Лесс. — Они немедленно изобретут антисыворотку и будут прививать ее при рождении.

— Я, как социалист... — начал было Грили, но его перебил Анри:

— Социалист его величества?..

Пропустив колкость мимо ушей, Грили настойчиво продолжал свое:

— Все мы... вы, вы... все, кроме мистера Черных, пришли на войну с почтовых, пассажирских, транспортных машин, и все мы должны на них вернуться. И не только мы четверо, но и вы, мистер Черных, после этой войны снимете погоны и будете летать на линии Москва—Париж—Лондон...

Опять заспорили о сроках, о месте встречи, стали искать, что́ бы разломить на пять частей. Галич потянул торчавшую из кармана Андреевой гимнастерки открытку:

— Вот разорвем...

И разорвали. И выпили на прощанье.

А наутро — рассвирепевший комдив, жестокий разнос за «фокусы в воздухе»...

Как давно все это было...

ИСПЫТАНИЕ

Андрей шел по исполосованному бетоном полю аэродрома и думал о том, что предстоит сегодня. Сначала, как обычно, врач тщательно проверит его сердце, дыхание, реакции — все, что должно быть в исправности у пилота вообще и у пилота гиперзвуковой машины в особенности. Подчас такие проверки кажутся лишними. Но Андрей понимал: за все происходящее с человеком в полете врач несет ответственность не меньшую, нежели инженеры, механики, аэрологи. Ведь вместе с ракетопланом тело Андрея испытает нагрузки настоящего артиллерийского снаряда! Нужно иметь поистине железный организм, чтобы вынести переход к полету со скоростью в шесть, семь, девять раз быстрее звука. Когда летчиков начинают тренировать, то всего несколько секунд «провесив» на какую-нибудь полутонну больше собственного веса, они перестают подчас соображать, видеть, теряют способность контролировать свои движения. Артериальное давление крови оказывается недостаточным для снабжения мозга кислородом.

Впрочем, куда больше собственного самочувствия Андрея заботит сейчас работа катализатора КЧК. Ведь испытания КЧК — главное задание сегодняшнего полета. Когда МАК приблизится к блиндажу с условной атомной «бомбой», электронное устройство приведет в действие КЧК, и урановый заряд «бомбы» превратится в безобидный свинец. Эта операция будет повторена при прохождении над второй условной «бомбой» — водородной. Ее заряд станет инертным гелием, и заключенная в ней потенциальная энергия взрыва будет обезврежена.

Все это произойдет на шестисоткилометровой трассе

заозерского полигона, хорошо знакомого Андрею. На горизонтальном отрезке полета на высоте ста километров Андрей должен произвести выравнивание примерно в семь-восемь минут. По окончании операции надо вернуть МАК в плотные слои атмосферы и совершить посадку на скорости почти в четыреста километров в час. При воспоминании о посадке Андрей приостановился. На любом самолете посадка — самое трудное для летчика, а на МАКе... Ошибка глазомера в несколько метров, ручка, взятая на себя с опозданием в сотую долю секунды, — и вместо Андрея встречающие увидят только облако пыли, взметенной словно разрывом снаряда. Потом будут гадать, кто виноват — конструкторы, инженеры-эксплуатационники, врачи или сам пилот?

Пилот?! Просто смешно, как плохо Андрей разбирается в «устройстве» собственного тела, — а вот МАКа он знает как свои пять пальцев! Тупорылый, со скошенным лбом, МАК некрасив. Едва намеченные, словно недоразвитые, отростки крыльев не внушают доверия. Трудно представить, что на этих тонких как бритва плавниках на краю плотных слоев атмосферы может держаться самолет. Глаз летчика, десятилетиями воспитывавшийся на плавных формах, с неудовольствием задерживается на всем угловатом, что торчит из корпуса МАКа. Крылья, хвостовое оперение — все кажется повернутым задом наперед.

Обрубленные консоли плоскостей возбуждают сомнение в естественности конструкции, смахивающей на человека со ступнями, повернутыми пальцами назад. Летчик не сразу свыкается с тем, что аэродинамика гиперзвукового полета за пределами плотной атмосферы опрокинула традиционные представления об устойчивости и управляемости. Угловатый подфюзеляжный киль окончательно лишает машину привычной стройности. Куцые стальные лыжи, не подобранные внутрь фюзеляжа, торчат, как хвост доисторического ящера.

То, что творится в металлическом нутре машины, так же непривычно для летчика дозвуковых и даже звуковых скоростей. Температура встала на пути самолета. На смену «звуковому барьеру» пришел «барьер аэродинамического нагрева». Момент возвращения самолета в плотную атмосферу все еще остается самым опасным.

Как ни была теперь отработана техника ракетоплана и методика его вождения, почти каждый вылет открывал что-нибудь новое в поведении машины и человека в ней. Перед каждым полетом об этом поневоле думалось как о чем-то, с чем нужно справиться, что нужно преодолеть. Андрей был человеком. Его психика оставалась психикой существа, не приспособленного природой к перенесению такого рода ощущений, существа, вынужденного искусственно воспитывать в себе выносливость, необходимую для гиперзвуковой авиации.

Андрей всегда относился к самолету с уважением. Это было уважение к норовистому коню — опасному, но благородному. Впрочем, иногда примешивалось и отчетливое

ощущение неприязни. Оно рождалось из хмурой затаенности МАКа. Это случалось тогда, когда Андрей чувствовал себя не в своей тарелке — был раздражен, устал или попросту не выспался. Если в такие дни предстоял полет, Андрей не раз думал, что он не должен позволить неприязни перерасти в отвращение. Потому что за отвращением, как за тонкой завесой, готовой вот-вот прорваться, очень часто таилась отвратительная рожа страха. Почувствовав страх, Андрей мог потерять себя. А потерять себя на секунду значило потерять власть над машиной навсегда.

Когда же небо отражалось в толстых стеклах фонаря, они становились голубыми. И тогда казалось, что МАК, мрачное чудовище, выкрашенное с головы до пят в черную краску, смеется. Одними голубыми глазами, а все-таки смеется. Ну, а с веселым чудовищем можно и сговориться...

МАК подняли из подземного ангара, и он стоял на стартовой платформе. Андрей спросил инженера:

— Как?

Тот молча кивнул головой — мол, все в порядке. Андрей положил ладонь на крыло. Постоял минуту, с удовольствием ощущая спокойный холод металла. Мысль, что сегодня предстоит нечто особенное, исчезла: полет будет таким, как всегда. Об этом говорило стальное спокойствие МАКа. Машина заражала своим спокойствием человека.

...МАК вонзался в пространство, словно его засасывал абсолютный вакуум. Белая стрелка высотомера поспешно отсчитывала сотни метров. Вслед ей уверенно, деление за делением, двигалась красная стрелка тысяч.

Как ни старались конструкторы, им не удалось погасить действие пороховых ускорителей на пилота. Тело Андрея испытывало страшную перегрузку. С огромной силой давило оно на сиденье. А сердце — несчастное человеческое сердце! — било по диафрагме, как тяжкий молот. Но постепенно угнетающее ощущение безмерной тяжести собственного тела стало проходить.

Когда ракетоплан достиг высоты 100 километров, Андрею с Земли указали направление на цель. Андрей включил реактивные насадки и вывел ракетоплан на курс. Через полторы минуты загорелась лампочка бортового «искателя», отмечая приближение к урановому заряду первой условной «бомбы». Андрей переключил управление на автомат и почти машинально обежал взглядом приборы.

Приборов на доске было меньше, чем в самом скоростном самолете дозвуковой и даже звуковой эры: электроника позволила снять с летчика заботу о многом; многое было автоматизировано — показания десятка приборов суммировались и сводились к одному сигналу. Но решающее значение сигнала при данных скоростях было таково, что невнимание к нему, опоздание реакции пилота на десятую, а может статься, и на сотую долю секунды, могло привести

к катастрофе. Никакая автоматика не в состоянии подменить волю и мысль человека.

Одновременно Андрей следит и за состоянием системы, питающей воздухом пилотскую кабину, скафандр, высотный костюм, присматривает за работой системы охлаждения.

Андрей с удовольствием отмечает благополучие во всем «организме» МАКа. Теперь можно ненадолго вернуться к толстому стеклу фонаря. Чернота стоит вокруг самолета плотной стеной. Ничего, кроме ужасающей черноты и светящихся в бесконечной дали звезд. Самолет врезается в черноту, как в нечто последнее. Только когда Андрей поворачивает голову направо, насколько позволяет шлем, он видит над изогнутым краем земного шара плавающий в черноте огненно-голубой, словно готовый вот-вот расплавиться, диск солнца. На него можно смотреть, лишь надвинув на шлем скафандра защитный козырек.

В тишине шлема почти не слышны двигатели. Их рев срывается с сопел и остается позади, не в силах догнать самолет, несущийся в несколько раз быстрее звука. Но воображение Андрея восстанавливает картину работы двигателей по легкой вибрации всей конструкции. Почти невероятно, но все — жужжание генератора КЧК, вой турбин и даже рев сопел, — все покрывается шумом дыхания Андрея, резонирующего в шлеме.

У Андрея мелькает мысль о возможности исследовать разгон. Но он поспешно отбрасывает ее: она мешает тому, что нужно делать по заданию данной минуты. Ракетоплан имеет огромную инерцию — при подходе к цели скорость будет все еще слишком велика. Нужно гасить ее — пускать в ход тормозные устройства. На этой высоте аэродинамические тормоза так же бесполезны, как и рули. Андрей осторожно поворачивает рычаг шторки перед соплами двигателей, чтобы направить часть реактивной струи навстречу движению. Он делает это с тем же чувством, с каким человек, спускающийся на лыжах с очень крутой горы, садится на палки, чтобы уменьшить скорость спуска. Чуть-чуть перебрать — и палки пополам. Чуть-чуть передашь обратный газ — и хвоста самолета как не бывало.

Андрей переводит взгляд на регистратор урановой цели. Оранжевый блик, ярко вспыхнув, почему-то вдруг почти затух, снова вспыхнул и часто-часто замигал, как глаз растерянного человека. Цель вошла в зону действия КЧК. Андрей нажал красную кнопку и услышал резкий свист: прибор заработал с высшей интенсивностью. Неожиданно подумалось: «А что, если сдаст поле магнитной изоляции?» Он получит такую дозу рентгенов, что, вернувшись на Землю, останется только писать завещание. Но опасения Андрея напрасны: контрольный счетчик радиоактивности на потолке кабины молчит. Андрей отсчитал по глазу хронометра десять миганий — пять секунд — и перекрыл излучение. Генератор перестал свистеть. Где-то внизу урановый заряд «бомбы» превратился в свинец. Через сорок секунд нужно будет снова включить прибор — над вторым

бункером с баллоном, имитирующим водородную бомбу. Сорок секунд! Здесь это большой срок. Восемьдесят счетов: один-и, два-и... Чертовски длинно! Длинно до нудности. Световой секундомер мигает и мигает... От урановой оболочки водородной «бомбы» снова затеплилась оранжевая полоска в прицеле. Андрей включил прибор, и скоро Земля сообщила, что в обоих пунктах зарегистрировано действие пучка частиц достаточной мощности. Задача Андрея была выполнена. МАК молодчина! Благодарю тебя, МАК. Сегодня мы с тобой дружим.

До границы полигона оставалось триста километров. В течение минуты все переговоры с Землей были закончены. Андрей включил струйное управление правой плоскости — со школьных времен он предпочитал левый разворот правому. Целая секунда ушла на то, чтобы осознать непредвиденное: реактивные насадки правого борта не работают. Анализы потом — сейчас нужно включить струйные насадки левого крыла и ложиться в правый вираж. Но, к удивлению Андрея, и на включение левых насадок МАК отвечает все тем же — полетом по прямой. Это уже совсем тревожно. В таких условиях попытка разворота означает аварию.

Световой индикатор хронометра отсчитывает полусекунды: раз и раз... раз и раз... раз и...

Итак, струйное управление отказало... Аэродинамическое на такой высоте не действует... Решение?

В гонке участвуют время и человек. Время измеряется полусекундами. А чем измерить силы человека?

Время мигает своим лиловым глазом: «Тик-и-так»... Секунда. «Тик-и-так» — две секунды. Чего оно хочет от Андрея?.. Наверно, только одного: унести его в бездну, куда беспрестанно, неумолимо и безвозвратно уносится оно само?

Время подмигивает лиловым глазом секундомера: «Тик-и-так...» Человек, где же твое решение?! Не стоит, не смотри вниз. Там все равно ничего не видно. Здесь мы один на один: ты и я. Только ты и я.

«Тик-и-так... Тик-и-так...»

Самолет без рулей — это непоправимо? Остается лететь по прямой? Снижаться, пока не подойдешь к Земле? Удариться об ее поверхность?

Итак, твое решение, человек?..

Может быть, подчиниться насмешливому лиловому мерцанию и примириться с несовершенством отказавших рулей?..

Нет!

Нет и нет!

Секунды теряют власть над человеком — Андрей принял решение: сесть на своем аэродроме. Андрей это сделает: он возьмет максимальный разгон и заставит ракетоплан описать гигантскую петлю. Топливо будет, конечно, израсходовано еще на подъеме, но форсажем Андрей выбросит МАК как снаряд за плотные слои атмосферы. Чем выше будет петля, тем больше будет запас для планиро-

вания. Сначала на спине, потом переход в нормальное положение с выходом на курс к своему аэродрому. Обратная глиссада даст хороший запас времени для пологого входа в плотные слои атмосферы. А там придут в действие аэродинамические рули — и дело сделано: они дома. Оба — Андрей и МАК.

Если бы у Андрея было время, ему, как образованному инженеру, пришло бы в голову много всяких соображений за и против своего решения. Такие соображения приходили на ум людям, стоявшим на аэродроме и обсуждавшим вопрос: что делать для спасения Андрея? Аэродинамика, термодинамика, сопротивление материалов, аэрология, химия, ядерная физика и физиология — все было на вооружении этих людей. Мысли собравшихся завязались в клубок, разрубленный замечанием генерала Ивашина:

— Черных имеет право на самостоятельное решение. Если он сообщает, что принял его, нет надобности мешать ему советами и вопросами.

При общем молчании, делая вид, что об остальном нет смысла и толковать, Ивашин перешел в операторскую.

На экране мерцала зеленая капля. Эта капля была отражением радиоволн от тела, несущегося в пространстве... МАК... Этим телом был МАК.

В МАКе Андрей, его ученик, его друг. Ивашин пристально смотрел на экран. Казалось, его глаза, как у ночной птицы, утратили способность моргать. Зеленая точка вопреки вероятности, здравому смыслу и всем законам ползла все выше. Словно Андрей задался целью уйти туда, откуда еще не возвращался никто. Может быть, он вообразил себя космонавтом и свой МАК космическим кораблем, способным вознести его к далеким туманностям иных миров? А может быть, с Андреем случилось то, что всегда может случиться с одиноким человеком, брошенным в бездонную черноту вселенной, — ему могли изменить силы, мог помутиться рассудок. Нет, Ивашин этому не верит. Андрей человек, и его воля сильнее всего, что может ему противостоять.

Топливо кончилось. Андрей потерял представление о скорости: стрелка уперлась в последнее деление циферблата. Андрей понимал: скорость — далеко за расчетной. И, может быть, она все еще продолжает нарастать? Он движется быстрее артиллерийского снаряда, быстрее многих ракет.

А что на акселерометре?.. Перегрузка уже — 0,75... 0,50... 0,20...? Тело Андрея повисает в пространстве, повисают и перестают слушаться руки; от красной рукоятки аварийной катапульты отделяется лежавшая там перчатка...

Н-е-в-е-с-о-м-о-с-т-ь! Это состояние не ново для Андрея и все-таки необычно. Скорей бы миновать эту точку кривой. Только чтобы проверить себя, Андрей пробует поймать рукоятки приборов струйного управления — сначала

правую, потом левую. Это удается не сразу, но все же он дотрагивается до них: да, он полностью владеет собой. Такой высоты и скорости не испытывал еще никто до него, ни он сам. Совершенно очевидно, что он сейчас где-то у верхней точки кривой, которую с разгона описывает МАК...

Но вот самолет начинает терять инерцию! Немного досаждает положение вниз головой, хотя врачи и утверждают, будто в состоянии невесомости человеку решительно все равно, как висеть... Так почему же он все же чувствует, что Земля у него не под ногами, а под головой? А может быть, это самообман? Разве здесь не все идет вверх дном?

А вот и первое неприятное проваливание: перегрузка 0,15 — МАК все теряет инерцию. Планированию на спине приходит конец. При следующем толчке Андрей пустит в ход струйное управление в вертикальной плоскости, чтобы вывести машину в нормальное положение. Еще толчок. Рука — на рычаге. Андрей действует осторожно: надо сохранить наибольший радиус кривизны.

Андрей не имеет точного представления о скорости и потому не знает, над какой точкой Земли находится. Но в этом ему должны помочь с Земли. Еще несколько мгновений, и он услышит голос Ивашина. Ивашин должен знать. Радиотеодолиты его не обманут.

Однако голос Земли не радует: радиус петли все же недостаточен, чтобы снизиться, не проскочив аэродром. А проскочив его, Андрей не сможет «дать по газам» и уйти на второй круг: топливо израсходовано. Значит, вход в плотные слои атмосферы должен быть более крутым, чем хочется. Придется гасить скорость на слишком коротком расстоянии.

Сердце кувалдой стучит в груди, виски распухают, шлем сдавливает голову. Почему? Ведь между черепом Андрея и стальным шаром шлема три сантиметра полого пространства. И все же, когда Андрей пытается повернуть голову, боль в висках и шее невыносима. Вены на руках вздуваются, как резиновые жгуты. Пальцы с трудом отворачивают кран, регулирующий поступление добавочного кислорода. Андрей вдыхает кислород осторожно, маленькими глотками. Мучительно пытается думать: какова может быть температура обшивки корпуса и крыла? Но, прежде чем он справляется с этой мыслью, сильный толчок — словно кто ударил по правой плоскости — заставляет его схватиться за ручку управления. Бесполезно. Высотомер показывает шестьдесят тысяч метров: все еще слишком высоко для аэродинамического управления.

Андрей всем телом воспринимает беспорядочные броски самолета из стороны в сторону, но не в состоянии парализовать их. Он понимает: еще несколько таких сокрушительных ударов, и МАК не выдержит.

При следующем ударе стрелка высотомера истерически подскакивает и как бешеная вертится на своей оси. Спиною

Андрей чувствует, что переборка между кабиной и вторым отсеком, где расположены электронные приборы, начинает вспучиваться. Андрей поворачивается, насколько позволяет кресло: волна деформации пробегает по внутренней обшивке и приближается к носу машины. Там по-прежнему неумолимо мигает лиловый глаз времени: «Тик-и-так... Тик-и-так...» Андрей знает: через мгновение, более краткое, чем половина секунды, меньшее, чем «тик» или «так», деформация стенки достигнет лба кабины, и стекла ее вылетят из пазов...

Андрей давно был готов к тому, что такое может случиться, и все же худшее оказалось неожиданным.

Мысль, что аэродинамический нагрев будет выше допустимого, родилась в его сознании еще в тот момент, когда он вынужденно пошел на разгон выше предельной скорости. Но десятикратный запас прочности в основных узлах конструкции внушал надежду, что все обойдется. Если бы обзор из кабины был лучше, Андрей бы давно уже заметил, что крыло скручивается, как широкий пробочник, сообщая самолету те самые толчки, которые взволновали его.

Едва ли хоть один летчик, кроме разве какого-нибудь паникера или труса, покинул самолет, прежде чем убедился, что не в силах спасти машину. До самой последней секунды пилот делит с самолетом его судьбу. Пока не ударяет по сознанию мысль: все бесполезно!

Андрей сознавал всю непоправимость случившегося и понимал важность своего спасения. Только он, возвратясь на Землю, мог рассказать, что произошло. Значит, человек должен быть спасен. Даже когда гибнет такая машина, как МАК...

Андрей поставил ноги на подножки и нажал рычаг.

Сиденье тотчас же оказалось закрытым со всех сторон капсулой. Одновременно автоматически открылся аварийный люк. Андрею почудилось, что МАК сохраняет постоянное положение в пространстве. Это показалось оскорбительным: неужели решение прыгать было преждевременным? Но понадобилось меньше полусекунды, чтобы сообразить, что фюзеляж лишился обеих плоскостей и, подобно шилу, вонзается в атмосферу.

Капсула повернулась, легла по продольной оси самолета — и Андрей всем телом почувствовал удар сработавших пиропатронов. Сила толчка была так велика, что Андрею захотелось обеими руками схватиться за горло. Но под пальцами оказалась только сталь скафандра. Андрею казалось: еще миг — и все, что у него внутри, — сердце, легкие, желудок — решительно все будет вытолкнуто через рот. Андрей не слышал и не чувствовал, как вышел из капсулы малый парашют, как замедлилось ее падение. Сознание вернулось к Андрею только тогда, когда раскрылся главный парашют.

Андрей посмотрел в прозрачный потолок капсулы. Ничего, кроме огромного белого купола, не было видно. Пришла никчемная мысль: если фюзеляж, не сгорев, падает где-то рядом, то в кабине, верно, по-прежнему издевательски мигает лиловый глаз времени: «Тик-и-так, тик-и-так...»

ХИРОСИМА

От каменистой гряды, серпом опоясывавшей аэродром одной из баз УФРА, тянуло сухим жаром. Лилово-желтые скалы за ночь не успели остыть. Едва первые лучи солнца выглянули из-за холмов, стебли травы свернулись, поникли, мулы прижались к земле. Приехавшие на них солдаты спрятали седла в тень и улеглись под выгоревшими кустами. Казалось, им нет никакого дела до палатки иностранцев, которую они должны охранять.

Несмотря на ранний час, широкие полотнища большой палатки, раскинутой для экипажа самолета «ПиИкс-16», были подняты.

Летчиков было трое. Первый — полковник Деннис Барнс. Сухопарый, ссохшийся, словно зажаренный в машине для тостов. Следующим по старшинству был второй пилот, подполковник Райан — рыжий коренастый мужчина с ярко-розовой кожей. Барнс всегда недолюбливал Райана и терпел его на борту только как отличного пилота. Но после того как Барнс узнал о связи Райана с секретной службой, этот человек вызывал в нем трудно скрываемую брезгливость.

Третий — младший из членов экипажа, инженер по радиоэлектронике — Эрл Майерс. Эрл редкий для своей среды и своего возраста молодой человек. Он верит в бога, мало пьет, не курит и нежно любит свою мать.

— Боже мой, — страдальчески бормотал Эрл, сидя на койке, — если бы я мог представить, что стать летчи-

ком — значит глотать песок и бояться ходить, сидеть — и все из-за фаланг!

Райан спустил ноги с койки и швырнул в угол палатки пропотевшую куртку:

— Меня этот климат тоже не устраивает. К черту! Вторые сутки без ванны.

— Милый мой, — усмехнулся Барнс, — борьба с коммунизмом — это не торговля мясом.

— Подайте сюда эту борьбу, настоящую — и я готов не мыться неделю. В том-то и беда: одна болтовня, болтовня и болтовня, — огрызнулся Райан.

— Господи, какое мне до всего этого дело? — простонал Эрл Майерс.

Барнс повернулся к нему: парень раскис. Жаль. Отличный малый. Спокойный и мужественный на борту, он становится ни к черту не годен, как только снимает шлем. Барнс охотно избавил бы Майерса от всех ужасов войны, чтобы тот не свихнулся, как когда-то едва не свихнулся он сам — Барнс.

Если бы не необходимость дождаться застрявших где-то в пути самолетов, Барнс, наверное, никогда не оказался бы в этих проклятых богом местах. Это слишком похоже на войну. Впрочем, в профессии Барнса и без того каждый рабочий день — война. Ведь он — командир звена экспериментальных скоростных самолетов «ПиИкс-16». Каждый день война с самолетами, с аэродинамикой, термодинамикой, с грозовыми фронтами, с космической радиацией; война с природой, с людьми — бесконечная война без надежды на победу. Может быть, поэтому Барнсу все тяжелее и тяжелее возвращаться к прошлому.

...Это было на Тиниане. Четвертого августа 1945 года Барнсу сказали, что он полетит в экипаже полковника Джиббета на «Энолe». Стоит Барнсу закрыть глаза, и он ясно видит строки, записанные им самим в потертую кожаную тетрадь через десять лет после того, как это случилось.

«Около полуночи 5 августа три экипажа прослушали церковную службу. Капеллан авиабазы на Тиниане кончил молитву словами: «Да будут все, кто летит этой ночью, под броней твоей всемилостивейшей десницы, и да возвратятся они во здравии и благополучии. Ныне и присно и во веки веков уповаем мы на милосердие и покровительство твое... Аминь»... Будто служитель бога не знал, что на борту «Энолы» — снаряд дьявола мощностью в двадцать тысяч тонн тринитротолуола. Ведь это не было секретом даже для солдат аэродромной команды, хотя и считалось самой сокровенной из военных тайн».

«Самым разумным было бы проспать оставшиеся до полета два с половиной часа, но никто не пошел к себе. Люди молча бредут к штабу. Нет, они вовсе не погружены в глубокие размышления о предстоящем полете. Среди улетающих есть парни, готовые сбросить бомбу, от которой

провалится в океан вся Страна Восходящего Солнца. Вероятно, все молчат потому, что ночь слишком темная и душная».

«Как и предполагалось, летит тройка крепостей. Головной — «Энола», в шести тысячах метрах за нею — капитан Сидней. Его задача выбросить над целью радиотелеметрическую аппаратуру, которая зафиксирует силу взрыва бомбы, сброшенной «Энолой». Это нужно ученым. В шестидесяти километрах от капитана Сиднея летит майор Маркер — тоже на «крепости», — он будет снимать на пленку результаты «ее» работы. Это также нужно командованию и ученым. По-видимому, они и сами хорошенько не знают, как произойдет взрыв новой бомбы. Не полетит ли вместе с целью ко всем чертям и наш самолет?»

«6 августа в 2 часа 15 минут машины подвозят нас к «крепостям». Ребята из фотоотдела озабочены тем, чтобы снять каждого из нас, прежде чем мы влезем в самолеты. Вся орава провожающих сует нам в руки и прямо в карманы разную дрянь: значки, кольца, ключи: «Это будет исторический полет, ребята, привезите сувениры».

Джиббет запускает один за другим все четыре мотора. Отсчитывает положенные «раз... два... три... четыре... пять...».

Потом голос штурмана:

— Управление, сэр?

Басок Джиббета:

— Проверено!

— Отметчик?

— На нуле.

— Радиокомпас?

— В порядке.

— Горизонт?

— Работает.

Собственно говоря, это ритуал мирного времени, и здесь, на Тихом океане, мы его давно отбросили. Но сегодня Джиббет тянет эту канитель с педантичностью школьного инструктора. Наконец он двинул секторы газа, и я услышал в наушниках:

— Джи ар файф... Джи ар файф... «Энола»... «Энола»... разрешите выруливать... Овер!

Щелчок: полковник переключился на прием. Секунда шипения, которая заменяет тишину молчания.

Голос с поста управления:

— «Энола»... «Энола»... говорит джи ар файф... разбег по полосе три... Курс известен?

— Известен!

— Старт два сорок пять?

— Старт два сорок пять!

— Выруливайте, «Энола».

Джиббет разблокировал тормоза и дал большой газ. Самолет трясется, как в смертельной лихорадке. Еще бы: семь тонн сверх предельной нагрузки! И все-таки пора отрываться. О чем думает Джиббет? Ей-же-ей, Тиниан не самый

большой из Марианских островов. Буквально под носом — океан. А Джиббет все разгоняет отяжелевшую дьявольским бременем «Энолу».

«Час с четвертью, как Энола в воздухе. Что-то уж очень медленно течет время. У всех странно рассеянный вид. Только Джиббет не отрывает глаз от приборной доски. Радисты смотрят куда-то поверх аппаратов: связь чертовски сокращена — идут только зашифрованные лаконичные сообщения о нашем местонахождении. Все остальные разговоры самолетов с Землей категорически запрещены. Право вызвать нас — только за базой на Тиниане. Голос генерала Пайрала — единственное, что мы можем услышать с Земли. Признаться, препротивный голос — всегда хрипловатый и неприветливый».

«Кто знает, чем Перкинс занимается в своем отсеке. Все же он не физик. Если он соединит что-нибудь не так, может начаться цепная реакция. А она, как сказали ученые, длится ровно одну десятимиллионную долю секунды. Что ж, и то слава богу: по крайней мере быстро. Перкинс вылезает из своей щели, распрямляет спину и кричит мне в самое ухо:

— Хотелось бы поговорить с тем, с физиком. Как ты думаешь, а?

Я киваю в сторону Джиббета, истуканом сидящего за штурвалом. Перкинс склоняется к нему и после коротких переговоров отправляется к радистам. Однако тут выясняется, что нарушена связь с физиком — ученым консультантом, оставшимся на Земле. Он должен был отвечать на вопросы Перкинса, если у того возникнут затруднения с главной штуковиной. Теперь Перкинс может спрашивать совета только у господа бога».

«Хорошо, что никто из жителей Хиросимы не видит Перкинса, как вижу его я; они не думают о том, что он сидит возле приборов, уткнувшись в инструкцию, и в сотый раз проверяет себя. Я-то знаю, что все их мечты, планы, вся их жизнь измеряется уже не десятилетиями, не годами, даже не днями. «Летающие крепости» будут над целью в 9 часов 15 минут: четыре с половиной часа осталось жить людям этого незнакомого летчикам японского города».

«Энола» приближается к точке встречи с двумя другими «крепостями». Джиббет выключает автопилот и тянет штурвал на себя. Перегруженный самолет медленно набирает высоту до предписанных трех с половиной тысяч. Почему командование избрало для сегодняшней бомбардировки именно тот город, к которому летят эти «крепости»? Никто из летчиков не знает. А если бы и знали? Разве взрыва не произошло бы? Нет, бомбу все равно сбросили бы. Но, мо-

жет быть, знай я все, иначе пошла бы моя жизнь? Может быть, у меня хватило бы ума воспользоваться какой-нибудь лазейкой и отказаться от участия в полете? Кто знает, кто знает...»

«Вдруг стекло одного из приборов над головой Джиббета загорается ярким алым огнем. В первый момент не понять, что это значит. Смотрим в стекло фонаря: пронзая огненными стрелами облака, поднимается торжественный великолепный фонтан лучей — заря 6 августа 1945 года...»

«Слышится голос Джиббета:

— Обстановка?

По-прежнему не работает дальняя связь и данные приходят от сопровождающих самолетов.

— Видимость пятнадцать километров, у цели облачность два балла на высоте пяти тысяч.

Значит, не нужно сворачивать на запасную цель. Это смертный приговор над мужчинами, женщинами, старыми, молодыми, здоровыми и больными — приговор над жителями Хиросимы».

«До цели — сорок пять минут. Сорок пять? Легкий озноб проходит у меня вдоль позвоночника. Говорят, что «она» приблизит конец войны по крайней мере на полгода. А сколько людей погибло бы еще за это время! Может быть, действительно лучше покончить одним ударом?

Перкинс на секунду высунулся из своего отсека. Судорожно отер ладонью висящие на кончике носа капли пота и полез обратно. «Если у него что-нибудь не поладится — он первый, — подумал я, но тут же сообразил: — Тут уж все равно — первый, второй или последний. Все вместе. Своего рода утешение».

«Энола» выходит на боевой курс. Джиббет больше не трогает управления — самолет идет на автопилоте. Высота десять тысяч, но мне кажется, что я вижу город.

Осталось пять минут. Надеваем черные очки.

По приказу Джиббета радист нарушает наложенный на нас завет радиомолчания: в эфир несется короткий, как мигание глаза, сигнал. Это предупреждение самолетам звена, что до сбрасывания остается три минуты.

Две минуты.

Минута.

Мне приходит в голову, что не хватает капеллана, чтобы благословить «ее».

Тридцать секунд.

Двадцать секунд.

Радист включает передатчик на непрерывный сигнал. Он перестанет звучать в тот момент, когда, повинуясь пальцу Перкинса, «она» оторвется.

Боже благослови!»

«9 часов 15 минут. Пронзительного сигнала в наушниках больше нет.

Джиббет кладет «Энолу» в вираж такой крутизны, что-

бы только-только удержаться от скольжения на крыло, и, снижаясь, набирает скорость. Как можно больше скорости! Уйти от того, что предназначено тем, внизу!»

«Джиббет сбрасывает очки — не видит приборов. Я делаю то же самое. В тот момент, когда я взглядом ловлю компас, все вокруг озаряется ослепительным лиловым сиянием. Я знаю — самолет уже в двадцати километрах от места взрыва. «Энола» получает мощный удар под хвост, ныряет носом и стремительно теряет высоту. Джиббет осторожно тянет штурвал на себя. Самолет выравнивается, но тут же новая взрывная волна подбрасывает его на несколько сотен метров и тотчас засасывает, как в бездну. Вертикальные токи, вызванные взрывом, похожи на космический сквозняк. Но, слава богу, все обходится благополучно. Вероятно, потому, что израсходована половина бензина и нет на борту «ее». Иначе бедная «Энола» рассыпалась бы как бумажная.

Пока «Энола» мечется, в небо взвивается столб дыма. Он пробил все слои облаков, снова плотно укрывшие землю, — кучевые, слоистые, высоко-слоистые; дым бьет, словно из кратера вулкана. Сквозь его сизые клубы просвечивают желтые, оранжевые, красные блики.

«Энолу» нагоняет серо-бурое облако, похожее на огромный гриб. Внутри клокочет ярко-оранжевое пламя. Нужно держаться от него как можно дальше. Оно тоже предназначено не «Эноле».

«Мы много повидали за время войны. И все же мне стало не по себе, когда я увидел в газетах торжествующий отчет о том, что сделала «Энола». Да поможет мне бог избавиться от мысли, что доля вины лежит и на мне.

Страшно совершить такое, даже если думаешь, что делаешь это во имя пятиконечной звезды в синем круге, за которой скрывается твоя страна, твой штат, твой дом...

Семьдесят восемь тысяч убитых, четырнадцать тысяч пропавших без вести японцев. Вот плоды «ее» работы.

А что значит пропавший без вести после «ее» падения? Может, он завален обломками и не найден; или расплющен взрывной волной о стену дома, превращен в кисель, в головешку или бесследно исчез, обратившись в пар?!

А что значит тридцать восемь тысяч четыреста двадцать семь раненых? Я их не видел и не хочу видеть. Не хочу видеть и тех, кто носит следы страшной лучевой болезни. Лучевая болезнь! Экипаж «Энолы» уверяли, будто никто из летчиков не пострадает. Так почему же от нас скрыли причину смерти Перкинса? Почему ослеп и умер Джиббет? Почему у меня нет ни одного своего зуба?

Они начали с Хиросимы, а теперь готовятся убивать миллионы. Кто-то должен им помешать. Кто? Если это не сделают другие — должен сделать я. Вот почему я служу, летаю...»

Люди Барнса по-прежнему сидели в палатке. В двадцати шагах от палатки, между пыльными кустами, генерал

Готфрид фон Шредер разговаривал с полковником Деннисом Барнсом.

Только сейчас Барнс узнал о подлинной цели полета звена трех «ПиИксов», узнал об истинном назначении посадки на базе УФРА среди неприветливых холмов северо-западной Азии. Маршрут их «испытательного» перелета, как выразился генерал Шредер, «случайно сломался»: вместо запланированного полета на Запад, через Средиземноморье и Атлантику, звену предстояло теперь повернуть на север, чтобы выполнить операцию «Кобра». Операция заключалась в следующем: звено Барнса должно было проникнуть в воздушное пространство СССР на большой высоте, недоступной истребителям советской ПВО, подстеречь в воздухе идущий из Азии самолет «ТУ-128» и сбить его.

То, что предлагал Барнсу начальник базы генерал Шредер, было самым подлым видом тайной войны, еще худшим, чем шпионаж: сбить мирный самолет.

Может ли быть, чтобы Шредер говорил правду, будто летящие в этом самолете намерены осуществить какую-то грандиозную провокацию против западного мира? А если это не так?.. Если, как много раз, все это вранье? Если западные дипломаты вместе с генералами УФРА плетут свои интриги, чтобы снова запутать человечество в кровавой паутине войны?..

Барнс вспомнил Анри, Грили, Галича, Андрея Черных. Русский Черных — первый заговоривший о том, что они пятеро никогда не позволят своим мельницам вертеться в сторону войны... А Шредер хочет, чтобы Барнс поверил в измену таких, как Черных, и сам изменил клятве?!

Шредер поднял острые плечи и с удивлением проговорил:

— Что с вами, Дэн...

— Не называйте меня Дэном, — грубо оборвал Барнс.

Разум подсказывал Барнсу, что на этом лучше закончить разговор. Но внутри все протестовало: это как раз и значило бы, что Барнс позволил своей мельнице вращаться в том же направлении, в каком вращалась мельница Шредера и вообще вся их огромная черная мельница.

— В чем дело?.. — начал было Шредер, но тут же осекся и только спросил: — Задание ясно?

— Я в своем уме, поэтому... поэтому и прошу вас, генерал, убираться ко всем чертям!

Шредер повернулся и пошел прочь. Барнс вынул сигарету и присел в тени куста. Он курил, задумчиво водя прутиком по земле. На тонком, как пудра, песке оставались ясно написанные имена.

ОПЕРАЦИЯ «КОБРА»

Генерал Ивашин вошел в комнату, где спал недавно вернувшийся из полета Андрей. Он посмотрел на его усталое лицо, осторожно тронул за плечо. Андрей рывком поднялся на постели и сразу спустил ноги, хотя глаза его были еще закрыты.

— Я долго спал?.. А знаешь, что я нашел? — Андрей протер глаза, раскинул руки, расправил грудь. Радостно посмотрел на Ивашина: — Мне стало ясно, какими средствами живописи можно показать человека, летающего в такой штуке, как МАК, и даже самый МАК в полете. Знаешь...

Но Ивашин, не слушая, перебил Андрея и быстро пересказал ему только что полученную директиву командования: перехвачен и раскрыт план диверсионной операции «Кобра». Его осуществление возложено на скоростной высотный истребитель-бомбардировщик «ПиИкс-16». Он уже вылетел с ближайшей базы УФРА и идет на перехват «ТУ-128», что летит с делегатами стран юго-восточной Азии на конференцию в Женеву.

— Вот подонки! — сказал Андрей. — Хотят не мытьем, так катаньем спровоцировать конфликт.

— Добьются петли на перекладине, как пить дать.

— Уж тут-то мы им поможем.

В приказе командования, принятом Ивашиным, говорилось, что, прежде чем дать ракетным частям указание сбить «ПиИкс», когда тот нарушит границу, нужно попытаться посадить его на нашей земле. Но полетные данные «ПиИкса» таковы, что обычный строевой перехватчик его не достанет. Поэтому приказано поднять МАК Андрея.

— Принудить к посадке?! — усмехнулся Андрей. — Принудить! А если он не пожелает сесть?

— Тогда настичь и уничтожить!

Эрл Майерс был ошеломлен внезапным исчезновением Барнса. Вернувшись от генерала Шредера, Райан сказал, будто Барнс почувствовал себя плохо и нуждается в немедленной помощи врача. Они полетят без Барнса.

Через четверть часа экипаж «ПиИкса» занял свои места. Командиром был теперь подполковник Райан. Перед стартом он сказал, что «оторвет Эрлу голову», если тот притронется к передатчику без его приказания.

Работа Эрла ограничивалась наблюдением за радиооборудованием, и он решил дописать начатое на Земле письмо матери. Он понимал, что не получит на него ответа и даже не сможет его отправить по радио. Больше того: он решил, что порвет это письмо, когда самолет будет лететь над океаном. Почему именно над океаном, Эрл не мог себе объяснить. Наверно, несясь над Атлантикой, Эрл считал себя уже дома.

Поглядев на часы, Эрл прикинул, сколько времени может быть теперь на западном берегу родного материка. Прикрыл глаза, постарался представить себе, что делается дома.

Он знал, что на всем пути «ПиИксу» открыт коридор — база военной авиации и аэродромы гражданских линий наверняка уже предупреждены о его высоте и курсе. Только при подходе к Нороне предстоит сбавить высоту для встречи с самолетом-заправщиком. А там снова на высоту — и домой!

Откуда Эрлу было знать, что «ПиИкс» давно уклонился от курсовой черты, перерезающей штурманскую карту в направлении Средиземноморья и Африки, и вместо запада летит на север...

Райан был поглощен наблюдением за точками, двигавшимися на круге его радиолокатора. Он не понимал, почему их оказалось две. Шредер говорил только об одном «ТУ-128».

«ПиИкс» быстро настигал самолет, шедший в первой четверти круга. По расчетам Райана, это был объект его «операции». Но почему другой самолет — тот, что шел в третьей четверти, двигается наперерез «ПиИксу»? Райан решил, что лучше всего не обращать внимания на неизвестный самолет: «ПиИкс» настигнет «ТУ-128» и уничтожит его раньше, чем курс «ПиИкса» пересечется с курсом неизвестного, кто бы он ни был.

Андрей слышал громкий и ясный сигнал своей станции, наводившей его на «ПиИкс». Еще несколько мгновений — и Земля даст ему команду: доворот влево или вправо, — и он сам увидит цель в бортовом радиолокаторе.

Но вместо того Земля сообщила, что «ПиИкс» очень быстро набирает высоту: он идет уже на двадцати пяти, двадцати семи, тридцати километрах. Что ж, для Андрея не представляло трудности следовать за «ПиИксом» на любую высоту...

Райан видел на экране радиолокатора блестки настигавшего его МАКа, но был бессилен оторваться от преследователя. Скорость и маневренность советского ракетоплана была настолько выше, что только воля Андрея решала теперь судьбу «ПиИкса». Даже то, что в поле прямого визуального наблюдения Райана уже попал советский «ТУ-128», утратило для него интерес: стремительность, с которой неизвестный самолет настигал «ПиИкса», отрезав его от «ТУ», ясно говорила Райану, что «Кобра» уже не сможет нанести своего смертельного укуса.

Еще раз — последний раз — у Райана мелькнула мысль о том, что его задача — сбить «ТУ». Но новый всплеск на экране радиолокатора заставил Райана до отказа двинуть секторы, выжимая из двигателей все, что они могли дать: «Оторваться, уйти, спастись!»

Взгляд Райана переходит с указателя скорости на всплески светляка в радаре. С каждым оборотом луча светляк приближается к центру экрана. Гонка безнадежна. На решение остаются секунды. Райан дает штурвал от себя... Еще — сколько может выдержать самолет. Может быть, пикируя, он уйдет от русского... Почему эти негодяи в штабах держат в секрете, что у русских такие самолеты? Какое право имел Шредер говорить, будто ничто не встанет на пути «Кобры»? Скоты!

Пятно вспыхивает почти у центра экрана. Развернуться и встретить русского залпом своих снарядов — тех самых, что Шредер предназначал пассажирскому «ТУ»?.. Нет, к черту! На это уже нет времени — русский на хвосте. Райан валит машину вправо, чтобы разворотом переменить направление на 180 градусов. Может быть...

Несколько мгновений Андрей идет на параллельном курсе. В тот миг, когда Райан уходит в пике, у Андрея появляется надежда, что пилот «ПиИкса» понял приказ сесть и готов подчиниться. Но тут же Андрей видит: враг резко валится вправо. Андрей не может знать, что единственное желание Райана — уйти, во что бы то ни стало спастись. Андрею кажется, что тот пошел в разворот, чтобы выйти на курс легящего в стороне «ТУ». Раздумывать некогда: остается уничтожить «ПиИкс».

Отметка цели в бортовом радиолокаторе МАКа ясна. Еще секунда — и сбоку загорается лампочка: цель на дальности действительного огня. Андрей переводит тумблер, включающий систему управления снарядов. Загорается другая лампочка — система управления снарядов захватила цель. Она сама «видит» «ПиИкса» и следит за ним. Нажим на кнопку пуска снарядов. Сорвавшись с замков, они пошли на цель. Андрею остается отвалить в сторону...

Прежде чем сержант-планшетист перенес с экрана точку, где был сбит «ПиИкс», прежде чем офицер успел доложить генералу, что «Вега» — шифр Андрея — выполнила задачу и просит разрешения вернуться на аэродром, Ивашин приказал сообщить Андрею о появлении новой цели: второй «ПиИкс», очевидно, дублировал первый. Ивашин знал: у Андрея нет запаса топлива, который позволил бы ему маневрировать, чтобы посадить противника, нет и снарядов, чтобы его расстрелять. И все же приказ Ивашина заканчивался коротким «Уничтожить!».

Вся жизнь Ивашина ушла на то, чтобы учить людей летать, искусно маневрировать, без страха вступать в бой и безошибочным выстрелом сбивать врага. Но за всем — за маневрированием, за искусством огня и боя — оставалось никогда не произнесенное вслух, но всегда само собою разумеющееся: таран!

Ивашин хорошо знал, что значит таран в условиях современного боя. Тут уж речь шла не об ударе своим шасси по крылу врага, как учил когда-то Нестеров; не о том, чтобы показывать чудеса пилотажа, рубить винтом хвост противника, как делали герои Халхин-Гола. Теперь, когда скорость самолетов измерялась многими тысячами километров в час, таран почти не оставлял атакующему надежды на спасение.

Ивашин отдал своему любимцу короткий приказ: «Уничтожить!»

Андрей принял приказ. Снарядов нет. Значит... таран. Движения точны и спокойны. МАК следует указаниям Земли.

— «Вега», доверните вправо пятнадцать.
— Еще поправка по курсу. Поправка по высоте.
— «Вега», видите цель?
— Вижу.

На экране бортового радиолокатора появилась отметка цели. Андрею больше не нужны указания Земли. Он сам выводит ракетоплан на цель. Машинально, по привычке палец лег было на тумблер системы управления снарядов. Но Андрей его тут же отдернул: снарядов нет. Снаряд — он сам.

Секунда. Еще одна... Андрей и враг на пересекающихся курсах. Вопрос только в том, чтобы настичь «Кобру» прежде, чем та откроет огонь по Андрею. Рывок МАКа вперед, еще вперед! Страшной тяжестью жмет спинка сиденья. Счет переходит на сотые доли секунды. Андрей ясно чувствует, как пот стекает по спине, по ногам...

На Земле каждый по-своему переживал происходящее. Для Ивашина Андрей Черных был не просто любимым офицером. Много больше, чем свои знания, свой опыт и свою любовь, вложил генерал в этого человека. Чувство, что в Андрее должны жить, остаться после него, Ивашина, его собственные взгляды на жизнь, на работу, на службу, не покидало генерала. Всякий раз, видя Андрея или думая о нем, генерал переживал нечто похожее на раздвоение самого себя: словно на свете жил, двигался, думал второй он, второй Ивашин. И сейчас вот Ивашин был уже не здесь, не на Земле. Он был на высоте десятков километров, держал в руках управление МАКом.

Голос офицера-связиста прервал мысли Ивашина.

— Товарищ генерал, «Вега»... задание выполнила.

Короткая, совсем короткая пауза, и генерал спросил:

— Просит посадку?
— Нет.

Когда Ивашину доложили, что третий «ПиИкс», появившийся следом за двумя первыми, сбитыми Андреем, уничтожен залпом ракетчиков, Ивашин несколько мгновений молча глядел на докладывающего офицера, потом коротко кивнул и сказал:

— Ага.

Словно это само собою разумелось, как и то, что произошло с теми двумя.

Он уже шел к выходу, когда дежурный радостно крикнул:

— Товарищ генерал! Черных катапультировался!..